

18+

ТРИНАДЦАТЬ НЕОЖИДАННЫХ ИСТОРИЙ

Анна Мирошниченко

Анна Мирошниченко

Тринадцать неожиданных историй

«Издательские решения»

Мирошниченко А.

Тринадцать неожиданных историй / А. Мирошниченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513582-7

Наша жизнь — это истории. Сказки, которые мы рассказываем другим и себе. В сборнике «Тринадцать неожиданных историй» — веселые и грустные, ироничные и романтические рассказы, как осколки стекла на мостовой, играющие в лучах солнца.

ISBN 978-5-00-513582-7

© Мирошниченко А.
© Издательские решения

Содержание

Пузырьки шампанского	6
Дневник приличной нимфоманки	8
«Откуда такая нежность...»	22
Основы изысканного поведения на подвижном составе	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тринадцать неожиданных историй

Анна Мирошниченко

© Анна Мирошниченко, 2020

ISBN 978-5-0051-3582-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моим друзьям, музам и родне.

*«Мне приятно видеть твою улыбку и
радость в твоих глазах».*

Неизвестный

*«Жизнь – это чудесное приключение,
достойное того,*

чтобы ради удач терпеть и неудачи».

Ричард Олдингтон,

английский поэт, прозаик, критик

*Все истории – выдумка,
любое совпадение с реальными людьми
или ситуациями – случайность.*

Пузырьки шампанского

– В моей жизни – жопа! – звякнул отставленный стакан. Брюнетка с коротким каре, отвела взгляд. Пряжи угольными штрихами подчеркивали белизну лица.

– Какая жопа? У тебя же отличная работа! – друзья уже не могли молчать.

– Да, денег хватает на поездки за границу, но не так чтобы совсем... И я давно ни с кем не встречалась. Уже полгода! И не получается... настоящая жопа! Вы понимаете? – она была похожа на Веру Холодную – трагичностью и пронзительными темными глазами. Сидевшая напротив подруга размешивала сахар в кофе. Их приятель, плечистый малый, пил воду из спортивной баклажки.

– Что за жопа? В чем же она?! – они не понимали. Разговор длился уже два часа. Кафе закрывалось.

Вдруг Ася, тонкая блондинка, сказала:

– Ну так все! Ну так жопа! Что уже терять? На самом деле все ужасно! Я согласна с тобой.

Лиза подняла на нее глаза. Ася продолжила:

– Хуже не может быть. Ну, может и быть... Ты права!

– Да, – Лиза перебросила ногу за ногу. Сверкнули новые туфли. – Я никому не интересна, я никому не нужна, – закончила она почти шепотом.

– А тебе кто – то нужен? – спросил Тимур.

Ее как ужалили: – Вокруг нет интересных мужчин! Это какой – то вакуум! – она подняла лицо вверх, к потолку, будто минут через пять ее поведут на эшафот. – Мне уже тридцать три, а я ничего не добилась в жизни...

– Так если жопа, что терять? Можно наслаждаться жизнью! – Ася улыбнулась. «Трагическая актриса» замерла. Было слышно, что официанты сдвигают столы и ставят на них стулья. Музыка выключили, притушили свет. Троица сидела в тишине и полумраке.

– Да! На самом деле, что терять? Только «жопу»! – Лиза расхохоталась и в глазах появились бриллиантовые искорки.

Она ехала в автобусе. За окном мелькали дома, фонари давали желтые блики. Воздух, казалось, состоял из пузырьков шампанского, золотистых пузырьков, которые ниточками поднимаются со дна бокала. Ворот пальто был небрежно отброшен на плечо. Она чувствовала легкость и свободу. Уже не трагическая драма 20-х, а что-то из кабаре 30-х -40х. Только нос не такой, как у Лайзы Минелли. А глаза, наверное, такие – же, если тушь не растеклась от смеха. По пути она увидела вывеску туристического агентства «Время жарить попки!» Мир как будто подмигивал ей и старался развлечь. Такое бывало – начинала звучать музыка в тему, или что – то попадалось на глаза или на горизонте появлялся знакомый, вот как сейчас. В автобус вошел Дима, знакомый с актерских курсов. Владелец беспокойного нрава, темных глаз и бархатного голоса. Ее привлекали мужчины, будто не нашедшие себя – мятущиеся, с тонкой душевной стрункой на которой хотелось играть и которая могла дрожать рядом с ее струной. Она называла это эстетизмом или увлечением миром. Девушка улыбнулась, махнула рукой.

– Как ты? Как дела?

Широкоплечий красавец присел рядом.

– Хорошо. Еду домой, после работы. А как у тебя дела?

– Замечательно! – вышло искренне, без иронии и самоедства. Она снова улыбнулась.

Пузырьки шампанского будто были в ней и одновременно поднимали атмосферу вокруг.

– Ты где-то выступаешь? – спросила она.

– Нет, помогаю новому театру.

– А ты?

– Танцую. Сделали перформанс, – это не как театр и не танец, но может быть интересно. Кажется, несколько пузырьков достались и ему. Он улыбнулся и поцеловал на прощание в щечку.

Через пару остановок она оказалась дома. Спать не хотелось. А хотелось продолжения игры, куража. Лиза открыла ноутбук и зашла в социальную сеть. Всего несколько «друзей» он-лайн. Темноволосый парень с автобуса был на аватарке. «Дима, расскажи мне сказку...» – быстро набрала текст. Открыла следующий «зеленый» профиль. «Костя, привет! Расскажи мне сказку». Пришло сообщение. «Чего не спишь? Привет. Я в штатах.» «Привет», – написала в ответ ему.

«О, Миша, ты тоже не спишь?!» – подумала она.

– Привет, Расскажи мне сказку, – написала ему.

– Привет, – ответил Михаил, – Я не умею рассказывать сказки. Как у тебя день?

– Хорошо.

– Хочешь покажу фото из Маастрихта? Мы сейчас в командировке с коллегами.

– Давай.

Дима написал, что идет спать, но был рад увидеться сегодня.

Она сходила за чаем на кухню. Сбросила одежду и обернула плечи зелёным плюшевым пледом, включила желтый турецкий ночник на полу. Миша прислал несколько фотографий со зданиями, нарядными как пряничные домики. Как в них живут люди?

Она обняла колени, было хорошо и уютно.

– Как тебе?

– Красивые дома.

– Мне пора спать. Завтра сложный день, много событий, – высветилось в углу экрана.

– Хорошо, приятной ночи.

– Встретимся, когда я приеду?

Лиза улыбнулась. Ночь стужалась и была похожа на десерт.

Дневник приличной нимфоманки

Путешествуй, знакомься с миром, узнавай людей, работай над чем-нибудь, что тебя интересует, влюбляйся, делай глупости, если так уж суждено,

но делай это с воодушевлением.

Самое главное – прожить жизнь «со вкусом».

Ричард Олдингтон

Ее голые ступни торчали сквозь решетку балкона. Внизу шумели автомобили, края улицы растворялись вдаль, упиравшись лишь в склоны гор, окружавших Палермо. Далеко же она сбежала от Джузеппе... Последние мгновения уходящего года, последние минуты ее года.

Внутреннее зрение было как подзорная труба со сбитым прицелом. Знаете, такие устанавливают на пляжах и во всех красивых местах. Только обычно в них можно посмотреть в разные стороны, а ее – неизменно возвращалась к итальянскому парню: «Что он делает сейчас? Может он хочет быть со мной, но у него не получается? Может его заперли в подвале, привязали к швабре?».

Она расположилась на диване в новой съемной квартире. Уютный и, одновременно, помпезный дом, как если бы герои «Династии», нефтяные магнаты, переехали на остров, купили жилье и обставили его по своему вкусу.

Когда она думала о том, что с Джузеппе у нее ничего не получилось, свет надежды на новую романтическую историю угасал, и со всех щелей сознания, тут же, словно, стая крабов из темных влажных пещер, выползали страхи. «Тебе скоро тридцать семь! Ты всегда не успеваешь! Скоро климакс! Неудачница! Ты знала, что так будет!» – они размахивали клешнями, ритмично бубня и стараясь ухватить побольше. Ей хотелось не дышать, не думать, закрыться в стеклянный шар и чтобы завтра не наступало никогда.

***

Вы помните деревянные досточки на которых выжигали рисунки? Ее мозг был таким же выжженным. Но не паяльником, а мыслями о работе.

Она обвела взглядом офис – несколько человек равномерно растыканы по рабочим местам. Как машинистки начала века. У всех очень рабочий вид, живенький такой. Уже наступил июнь и можно взять отпуск, на неделю или две. А она так мечтала о каникулах! Ей хотелось уехать на все лето. Почему как только вырастаешь и начинаешь зарабатывать, то просто работаешь изо дня в день и всей радости – посидеть вечером в пабе и рассказать, как ты устал, и какой ты молодец?

Одним прекрасным пятничным утром, она узнала, что отдел кадров напутал в ее документах и ей проще уволиться, чем продолжать работу. Мысль, которую отгоняла здравая часть рассудка, и о которой так мечтала душа, стала реальностью. Ее манила Сицилия. Значок бегущей Горгоны Медузы из соседнего ресторанчика, напоминал о загадочном острове. Не Франция – шикарная, ироничная, и немного невротичная, не Черногория – прекрасная и совершенно дикая, а сшитая из лоскутков княжеств Италия – роскошная и расслабленная. Там творились мифы, там создавалось искусство, там... Она купила билеты, выбрала комнату на одну ночь и без плана на остальные дни отправилась в Сицилийское королевство.

***

Был поздний вечер. Она сидела в комнате и казалось, что заняться совершенно нечем. В Ортижии, исторической части города Сиракузы, это был уже поздний вечер – десять часов. Магазины давно закрыты, а рестораны – собираются закрываться. А она только оторвала глаза

от компьютера, вынырнув из работы как из сна, и посмотрела по сторонам. Комната была просторной, с огромной кроватью и небольшим синим диваном, но напоминала подвал из – за окна под самым потолком. Странно, но в отличие от голландцев, которые привыкли делать окна в пол и держать их не зашторенными, итальянцы вели более скрытный, хоть и шумный образ жизни. Вы могли их не видеть, но слышать – непрерывно: сквозь решетчатую дверь доносились крики мальчишек из дома напротив, ворчание итальянских бабушек, которые одинаково ругались и обсуждали новости, разговоры туристов, ищущих очередной пункт на карте.

Хотелось салатик со свежей горькой рукколой и моцареллой, а в холодильнике, кроме соуса для пасты, ничего не было. Перед отъездом она нашла волшебный вариант – пожить три дня на Эоловых островах, возле побережья Сицилии. Но когда хозяин дома написал: «Не могу сейчас тебя принять, семейный проблемы», эта нить маршрута оборвалась и она скатилась вниз – из верхнего края острова – Мессины в нижний, поближе к Африке – Ортижию, которую посоветовал тот же негостепримный тип: «Ты просто должна ее увидеть!» Пока она думала, где раздобыть еду, завибрировал планшет – пришло сообщение от парня по имени Джузеппе. На русском. Он обещал ей завтра показать окрестности и приглашал на чай.

***

– Привет! – он поднялся со скамейки ей навстречу. В длинных черных шортах и серой футболке с надписью на сицилийском. Уверенный в себе, симпатичный. И говорит по – русски, совершенно по – русски. Так прикольно говорить на русском вживую, она уже отвыкла за несколько недель. Самая живая и близкая речь – английская, урывки фраз – на итальянском.

С ним не хотелось кокетничать, томно смотреть и тихо улыбаться, а хотелось рассказать всю свою жизнь, поделиться впечатлениями и приключениями.

Они шли по улицам Ортижи, а он все говорил и говорил: как поехал учиться русскому в Москву и мама собирала три чемодана – один с одеждой, один с книгами и один с едой. Что еда закончилась в первую неделю, потому что он делился ею со всеми знакомыми.

«С ним весело, мы можем стать хорошими друзьями», – думала она, возвращаясь домой.

***

Солнечный свет заливал все вокруг, делая бледно – желтые стены еще светлее, будто разбавляя желтую акварель водой. Мимо прошел англичанин, похожий на инопланетянина: он двигался медленно, скрывал лицо под шляпой и очками и показывал всем своим видом, как ему неуютно в этой чужеродной среде.

Шляпу она забыла дома, а очки – одела для красоты. Прошло две недели в самой южной части острова. Ее тело какжтся привыкло и стало считать это место вполне родным. Она шла по широкой набережной с яхтами богатых и очень богатых людей и деревьями подстриженными кубом, прямо до поворота на главную улицу. Затем – площадь с церковью Дуомо – храмом из камня цвета пломбира, затем – улочка с настоящим пломбиром, там можно позавтракать морожеными с бриошью и дальше – до площади Архимеда. еще один широкий проспект, и вот уже видна маленькая цветочная клумба с ярко – красными и желтыми цветами и благородно позеленевший от времени медный фонтан для мытья рук (или для мыться фруктов или даже ног) и площадь с храмом Апполона. Рядом с площадью был рынок куда она как раз шла. Купить виноград, помидоры, хлеб, облизнуться на ряды вяленых окороков, колбас и сыров – твердых желтых и мягких, белых творожных, подивиться россыпи устриц и попить кофе с касатиной.

Впереди был рабочий день. Она проводила его в комнате или в кафе, щелкая по клавишам смешной зеленой обложки – клавиатуры с планшетом. Там был Харьков, друзья и работодатели. Она делала ту же работу, что и день ото дня. В какие – то мгновения забывала, что за несколько тысяч километров от своего города. Поначалу мысль о работе на отдыхе казалась ей противоестественной. Но если ты не дочка миллионера, то придется! Ее киевская подруга, сказала: «Наверное, тебе надо найти какое-то новое качество отдыха» и сейчас она была счаст-

лива, что нашла его для себя. Когда в конце рабочего дня выходишь, а за порогом – другой город и море, самое главное – море! Мгновенное перемещение из офиса как в сказке или хорошем кино о приключениях, ее собственном фильме.

***

Ей казалось, что многое непозволительно в этом возрасте, и многого она уже должна была бы достичь – к определенному возрасту. Лет с двенадцати она считала себя слишком старой, вернее, слишком взрослой: «Ведь у меня есть младший брат, ему можно, а мне – нет».

«Ты уже слишком взрослая!» – сказал отец, когда она подпрыгивала от радости на морском курорте в Алуште или Алушке, куда они впервые поехали все вместе. Он учил ее плавать, вполне взрослую и уже умеющую держаться на воде. И ей хотелось быть с ним, быть в центре его внимания. Она прыгала от радости, а он дернул за руку: «ты уже слишком взрослая» и, наверное запустил механизм, который начал тикать внутри.

Четырнадцать лет – интересно, пятнадцать – что – то новое, шестнадцать – получаю паспорт, семнадцать – тоже хорошо, восемнадцать – совершеннолетие, девятнадцать – красивый возраст, красивый, двадцать – «я с парнем!» – «Я успела!» – думала она, – встретить парня и потерять девственность.

Двадцать один – это совсем чуть – чуть, двадцать два – заканчиваю университет, ура! Двадцать три – этот возраст был для нее таким серьезным. Она начала работать в школе, мама помогла устроиться преподавателем у университета. Она чувствовала себя еще студенткой, но стояла по другую сторону парт. Как это?

Двадцать четыре – был странный возраст. Она была очень худой и уставшей от жизни. Худой – потому что их молодой семье (она жила с тем самым парнем) постоянно не хватало денег. Однажды, шагая по рынку, она увидела глаза очень серьезной, озабоченной и перепуганной девушки. Как будто та решает вселенскую проблему: как расщепить кварк? Испугалась и через секунду узнала себе в отражении. В этот момент она думала, как бы на пять гривен купить овощей, яиц и «на что еще хватит» для ужина. Они жили вместе в маленькой квартире мужа. На кухне она учила английский и еще у нее была полочка для книг. Весь мир к сжался до стирки – готовки – уборки. А все хобби, мечты, увлечения – остались дома вместе с подростковыми фото и серебрянными украшениями.

«Я его больше не хочу, я должна хотеть», – как – то ночью она отвернулась к стене завешанной ковром. «У вас проблемы?» – спрашивала свекровь. «Старородящая!» – заявила гинеколог.

Двадцать пять. На вечеринке были только друзья мужа и одна ее подруга. «Четверть века, пора бы призадуматься» – говорила героиня Мерилин Монро на свое день рождения. За один день она собрала вещи и уехала. Развод.

***

Джузеппе вытащил из бумажника визитку итальянского посла.

– Я открою свое дело в Москве или Питере. Нет, в Питере, наверное, лучше. – продолжал оттирать, поглаживать ее плечи, ноги и ступни, стряхивая них песок и напевая «*Sapore di mare, sapore di sale*».

– На пляже было класно, жаль, что ты не успел уйти пораньше с работы и поплавать со со мною... – она убрала мокрую прядь со лба.

А перед этим был поцелуй, тот самый.

Вчера, когда разошлись посетители литературного кафе, она подошла к нему:

– Мне приятна, твоя дружеская поддержка, ты мне как брат! – и чмокнула его в лоб.

– Посидим в кафе? Отметим успех? Твой первый мастер – класс на Сицилии!

– Давай!

Они нашли кафе, в которое не попали в первый раз – «Вешь».

Как было приятно обсуждать грамматику и правильное произношение рядом с его губами, почти их касаясь, еще чуть – чуть, но нет. И ей казалось, что он тоже хочет сократить это расстояние.

– Давай выпьем на брудершафт! – он знал не только язык, но и славянские традиции.

«Вот сейчас он точно сократит расстояние...» – подумала она с грустью.

Они выпили, оставили бокалы и ничего не случилось.

Кафе закрывалось, официанты считали чаевые.

– У меня есть еще тост! Давай выпьем за твоего будущего мужа!

– Так давай его поищем! – она кивнула в сторону официантов, – симпатичные парни!

Парни действительно были симпатичными и довольно заулыбались, не понимая ни слова, но радуясь вниманию.

– Так, сейчас я уйду! – он оставил бокал и нахмурился. Она молчала.

Уже выключили свет и фонари с улицы подсвечивали зал. Двое служащих ресторана разговаривали у входа, опершись на велик.

Она вышла, он догнал ее на улице.

– Я сказал им, что ты – моя жена!

– Сестра?

– Нет, жена.

– Ааа, moglie

Они прошли по узкой средневековой улочке и вышли на площадь рядом с развалинами храма Аполлона. Было уже два часа ночи и редкие прохожие словно из ниоткуда появлялись на площади, возникая в пятнах фонарей и исчезая в никуда в тени подстриженных деревьев. В глубине площади белело кафе.

– Будешь кофе или мороженное?

– Кофе, наверное буду кофе.

– Сигаретку?

– Давай, вообще не курю, но за компанию...

Официантка принесла кофе ей и граниту из миндаля ему. Было приятное чувство завершенности вечера, легкая усталость и, одновременно, грандиозность происходящего, когда не знаешь, что будет и сколько точно времени.

«Люблю это ночное время» – думала она.

– Ты устала?

– Есть немного.

– Давай я сделаю тебе массаж, – сказал он.

– Здесь? – она оглянулась. За соседним столиком сидел хозяин кафе и беседовал с другом, других посетителей не было.

– Хорошо, давай.

Он встал сзади нее и начал разминать ее плечи, грубовато, но старательно, как большой милый медведь.

– Спасибо, классно.

Потом он взял стул и сел у нее за спиной, обнял. Они продолжали о чем – то говорить. О чем – то, потому что это было не важно – о чем. Он начал целовать ее лицо, ближе, ближе по подбородку к губам. Она прикрыла глаза. Он целовал уже краешек губ. Она немного повернула голову и так же осторожно ответила на его поцелуй. Их губы встретились. Как будто другой разговор, который витал до этого в воздухе, продолжился.

Она наконец оторвалась от него и они заговорили о чем – то, о чем – то еще.

– Пройдемся? – спросила девушка.

– Давай.

На улице уже никого не было. Сделав несколько шагов по каменным плитам времен Архимеда, они оказались у железной решетки, окружающей развалины храма.

Он начал целовать ее сильнее, и она поняла, что ей это нравится, очень, настолько, что начали подкашиваться ноги. Будто нечто внутри отключало способность стоять, отдавая ее полностью в руки мужчины, дарящему наслаждение в этот миг.

***

Он обнимал гитару, нежно и точно перебирал струны: прижимал где нужно и отпускал когда нужно, и пел. Пел он также, словно нажимая струны в душе.

Синела ночь над светлыми домами Ортигии. Показался поворот в другую часть острова. Она собиралась домой, готовить ужин, но тут услышала звуки музыки. Настоящий блюз, волнующий и свежий, как огромный бокал виски с кубиками льда, поманил ее. Она увидела открытое кафе с низкими деревянными столиками и лавками, красные скатерти и кучерявого блюзмена с гитарой и безумного барабанщика. Он корчил такие рожи! И так заряжал на ударных, добавляя острый перец ритма к сладкому гитарному звуку.

За столиками перед ними были пустые места, хотя остальное кафе было переполнено. Она постояла чуть – чуть, не решаясь присесть. «Завтра ведь увидимся с Джузеппе и надо бы выспаться, и...» Но ощущение, что она ведет себя «слишком правильно», как будто замужем, ее остановило. «Можно ведь устроить себе чудесный вечер! Почему бы не послушать чуть – чуть?»

Она заказала красное терпкое вино и греческий салат с белым хлебом – мягкой сицилийской булкой, которую приятно макать и есть с вином.

Смотрела на гитариста и обещала больше не попадаться на эту удочку – влюбляться в талант. Она уже побывала замужем за музыкантом, друзья – музыканты тоже у нее были.

Когда – то она пыталась вычислить образ идеального мужчины, и, первым пунктом или вторым был музыкальный инструмент. Если мужчина умеет играть – это что – то особенное... Может это дополняет ее увлечения? Ей нравилось танцевать, она прообвала петь, немножко рисовала и много писала. А вот с музыкальными инструментами у нее не складывалось.

Рядом за столиком сидел юный светловолосый парень с подругой. Та прислонилась к стене и терпеливо ждала окончания концерта. Не мученически, а сдержанно, как в приемной врача. А вот красавчик явно был в экстазе: он постукивал ногой, улыбался, и то открывал, то снова закрывал глаза, как в легком дурмане.» – Да, и он должен быть красивым!» – продолжила она мысленный список. Ей всегда нравились красавцы, хотя и она помнила, что «мужчина должен быть немного красивее обезьяны». Но она обожала тех, с которых можно писать картины. Главное, чтобы они не сильно нравились другим мужчинам. Она оглянулась по сторонам – вдоль улицы собралась человек десять фанатов, которые подтанцовывали, подпевали и просили поиграть какие – то определенные хиты.

Умение играть и внешний вид – это хорошо. А что делать с юмором? Ведь она разный! И она вспомнила о чем говорила с Джузеппе – «горящие глаза», жажда жизни. Путешественница была уверена, что у мужчин помоложе эта искра есть, а у тех кто «за тридцать», ее ровесников – эта искра гаснет, они уже ни о чем не мечтают, думают о быте, думают о том, как сделать так чтобы было поуютнее и поспокойнее. Она была как в ловушке: ей нравились парни помоложе, но строить отношения можно только с мужчинами постарше. Джузеппе было уже двадцать семь. И вчера она сказала ему, что такие глаза как него, с огнем, бывают только у очень успешных мужчин.

Сиракузы становились все роднее. «Если здесь есть такие люди, значит это хороший город» – думала она, глядя на гитариста и барабанщика. Они играли технично и с душой, Обычно встречается или то, или другое – играют или не попадая в ноты, но душевно или технично, но безжизненно.

Гитарист пиратского вида, бородатый, с горящими южными очами и гибким сильным голосом казалось, занимался любовью сейчас со всеми, наслаждался игрой, возбуждал, и увлекал.

***

– Я хочу целовать тебя везде! Я буду буду здесь всегда, если нужен тебе! В Сиракузах!

– А я тебе, что моряк? У которого девушка в каждом порту? – пошутила она над предложением Джузеппе.

Они шли с ним дальше по темной улице и на душе у нее вдруг тоже стало темно. Та же набережная, что и в первую встречу, но без волшебства. Только тьма и свет. Чудесные огоньки, маленькие смеющиеся звездочки – исчезли.

«Если уже делать глупости, то...»

Они подошли к пологому берегу. Вода манила.

Знаешь, а я сегодня не купалась. Хотя с собою – целых два купальника! – она качнула головой и завзвенели алые сережки – бикини. – Поплаваем?

У меня ничего нет, – ответил он.

А зачем?

Девушка зашла по шиколотку в воду, затем – по колени, вода уже намочила низ платья.

– Ты сумасшедшая! – крикнула он ей с берега.

– Ну давай, поплаваем... – она обернулась. Спина к морю, лицом к нему – она медленно заходила в воду.

Экспрессивная итальянская парочка поздних гуляк не постеснялась похихикать изда- лека над «чокнутой и, наверное, пьяной русской», явно собиравшейся поплавать прямо в вечернем платье.

Вода была свежей, прозрачной – видно дно. Ножки красиво смотрелись в бледно – синем мерцающем мареве и она сделала пару медленных гребков.

– Нет? Не хочешь?

– Выходи! – он метался по берегу, не решаясь зайти в воду.

– - Хорошо! – она рассмеялась и медленно поплыла обратно. Достав ногами дна, неспешно вышла, как героини из ее любимых фильмов о Джеймсе Бонде. А что? Декорации те же! Лазурный берег, Средиземное море, свет яхт и огни залива.

Вода капала с платья. Она убрала мокрые волосы с лица. Последний раз, в одежде, она плавала в девятом классе, когда дурачась, подруга толкнула ее в реку, а она – потащила ее за собою.

Джузеппе не знал, что делать.

– Подожди, я найду полотенце!

Он убежал. А она стояла довольная. Было не холодно, и не страшно простудиться.

Парень вернулся с большим мохнатым полотенцем и начал промакивать ткань и пытался вытереть ее, не вынимая из платья.

– погоди, погоди, я – аккуратно... я даже сюда не заглядываю! – он вытирал ее шею и край декольте.

Она заметила, что мокрое платье так плотно облегалo ее фигуру, что стали видны очер- тания вздернутых сосков. Она напоминала мокрую скульптуру, а Джузеппе обволакивал эту скульптуру руками – плечи, руки, талию, бедра и казалось, что он контролирует себе все меньше и меньше.

Ей было легко и свежо, они пошли дальше по набережной. За стеной шумело море и фонари освещали их путь ленивыми желтыми пятнами. Они шли к ее дому, она жила за одну улица от моря.

Спокойной ночи! – сказаала она, стоя спиной к двери.

Можно я зайду? В туалет.

Она открыла дверь. Он вошел и через минуту вернулась из туалета. Проходя мимо, обнял ее и они повалились на большую кровать. Тусклый свет лампы, суэта. Как сцена из плохого порнофильма, унылого, скучного.

«Может включить подсветку постели?» – подумала она. В этом туристическом жилье, кровать по краю была украшена маленькими фонариками.

«Но тогда, это точно будет похоже на порнофильм!»

Она хотела Джузеппе и не хотела одновременно. Вспомнила момент безудержной страсти несколько лет назад, с другом, также впопыхах, второпях – она и долгое время отчуждения.

Он снял штаны и его итальянское хозяйство было как из хорошего порнофильма. О села на кровать в одних трусиках. Платье он уже спел снять с нее, когда целовал ее грудь, живот, все тело.

Тебе лучше уйти! – она сидела, повернувшись боком к нему, на согнутых коленях.

Он посмотрел на нее.

Что – то не так?

Она молчала.

Встал, повиливая задом одел плавки и натянул штаны. Она нашла платье и одевшись, вышла на темную, залитую лишь луной улицу, стала его ждать.

Он вышел к ней. – Что случилось? Я думал, ты тоже меня хочешь?

Она закрыла дверь за его спиной.

Хочу... ты мне очень нравишься, – она замолчала, – но я не хочу, чтобы было так.

Она обняла его и чуть не заплакала, прижалась щекой к его щеке, – Я боюсь влюбиться! Я не хочу так, – отстранилась и отошла на шаг. Спящие дома и длинная узкая улица, безмолвие ночи – все выглядело, наверное, также тысячу лет назад, или две.

Он потянул ее к себе, обнял. Теперь они стояли у каменной стены вдвоем.

– Я не хочу торопиться, – ей было больно, но не так пусто, как только что, – Ты такой классный, мне редко встречаются такие.

Он молчал. Он был расстроен.

Я вернусь! – он порывисто поцеловал ее. В его взгляде смешалось желание и злость. Резко развернулся и потопал прочь.

Она открыла тяжелую железную дверь, зашла в дом и включила свет. На сердце, а не в голове было ощущение чего – то правильного. Хотя она ожидала, что будет терзаться, но на душе было спокойно и она быстро уснула.

***

Он стоял на набережной, а ветер уносил сигаретный дым, нежно овеивал лицо. Светало. Ночка удалась. Они домчали до Катании за полчаса с Фердинадом и Лео. Помнит, как выпили по маленькой, потом еще пара шотов. Зачем-то звонил ей. На танцполе были и Камилла, и Клаудиа, и Вероника! Он улыбнулся. Поднял голову вверх – проплывали редкие в Ортигии облачка. Рубашка была расстегнута и развязанный галстук – бабочка распластался на плече черной пивкой. Джузеппе вдыхал дым и ночь прояснялась: телодвижения, объятия, прикосновения – весь калейдоскоп. Какая приятная легкость, когда не можешь чувствовать даже усталости! Сейчас откроется кафе, можно выпить чашечку эспрессо, и на работу! Он сонно мотнул головой. сигарета полетела вниз. Мимо пробежал худенький латинос, мелькая ярко – зелеными кедами. Зачем же так топотать! Он оглянулся на удаляющуюся фигуру. Достал новую сигарету и постучал ее по дну пачке. Справа розовел край острова, – крепость Каstellо Маньяче, которая отделяла спокойную древнюю набережную от залива с шумными кафе и сияющими огнями и лаковыми боками яхатами.

«А что если, а что если не кофе?» Вдруг сигаретный дым потянулся вверх и за ним потянулись очертания его мизинца, безымянного пальца – вся рука. «Сегодня начинаем работу

пораньше». Спортсмен оглянулся – на набережной не было никого, только легкая дымка стремилась в сторону Эоловых островов.

***

Квартира выглядела по-богемному заброшенной. Все новое, хорошее, но огромная коробка из – под вчерашней пиццы с остатками оной на столе, да пара пивных бутылок. Диван с смятой простыней и подушкой, огромный балкон с ажурными занавесями и вывеска над камином, явно утянутая из пивного ресторанчика, пропагандирующая нездоровый образ жизни – сосики, пенный бокал и грудастая официантка.

Андреа стоял рядом, гордый, что смог найти такое отличное жилье – недорогое и в центре.

– А что это? – спросила она у Нино, хозяина апартаментов и друга Андреа.

Это наш арт – объект. Когда –нибудь продадим за большие деньги! – ответил Нино, Он был небольшого роста темноволос и усат, Его узкое тело обтягивала белая футболка с надписью Led Zeppelin и черные джинсы.

– Ааа, современное искусство. Понятно. Как Энди Уорхол?

– Тот чувак, что консервные банки рисовал? Да, да, точно.

– А здесь только одна комната?

Нино показал ей свою маленькую мастерскую и небольшую спальню, в которой размещалась двухъярусная кровать, стол и постер из «Негодяя». Она подняла взгляд,

Окна не было. Только маленькая решетка, скорее пробоина на крышу, на которой непрерывно тусовали голуби.

Он проследил за ее взглядом – да, окна действительно нет.

– А кондиционер?

– Кондиционер есть в большой комнате, но здесь не очень жарко. Обычно.

А сколько вы за нее хотите?

– Я сам в ней живу, сейчас развожусь и иногда ко мне приезжает сын.

– Так сколько?

– Давайте сходим попить кофе! – неожиданно сменил тему Нино и вышел в другую комнату.

– Андреа, что это значит? – зашептала она на ухо другу, – ты знаешь сколько он хочет за аренду?

– Не знаю, давай сходим попить кофе.

– Ну хорошо.

Они расположились в кофейне за углом, но правильно было бы назвать это желатерией – магазином мороженого. Его тут было сорок видов, не считая разных тортов и маленьких пирожных. И кофе конечно был чудесный. Она выбрала маленький шоколадный десерт, который манил глянцевыми темно – коричневыми боками и торчащим шоколадным лепесточком с парой кофейных зернышек наверху. Рядом на витрине стояли еще парочка не менее соблазнительных десертов – небольшой цилиндр из желтых и коричневых бисквитных слоев, облитый светлой глазурью из белого шоколада и с золотыми съедобными жемчужинками сверху и традиционная кассатия – похожий на сложенную ладонь очень маленького человечка, или голову дракончика, без гребня и ушей, слой сладкой рикотты – воздушного сыра, между тонким слоем бисквита на подошве сладости и зеленой глазурью на ее верхушке. Но рикотту она уже пробовала, а это – шоколадно – кофейное соблазнение, казалось нагло подмигивало ей. Возможно также влечет мужчину изящная женская ножка в черном чулке.

– Капучино и пирожное, вот это! – она ткнула пальцем сквозь стекло.

– Капучино? Вы уверены? Сейчас такая жара. Может вы хотите холодный капучино?

Девушка обернулась на своих спутников. Нино и Андреа закивали: «Да, холодный капучино это то что надо, попробуй»

Она вернулась к продавщице:

– Холодный капучино, пожалуйста.

Андреа не захотел пить ничего, а Нино заказал себе обычный кофе.

Они продолжили говорить о музыке. Через полчаса обсуждения любимых исполнителей и музыкальных групп она попыталась вернуться к вопросу аренды. День конечно чудесный и компания хорошая, но где – то жить то ей надо, подумала она, хотя уже и решила, что этот разговор ни к чему не приведет и повод уйти в кафе, это просто повод выйти из квартиры.

Мне кажется мы подходим друг другу, в смысле – мы же нашли общий язык! Переезжай! – Нино отвлекся от рассказа про Pink Floyd

Вместе? Ты будешь приходить время от времени в свою квартиру?

Нет, я ее тоже арендую. Я могу жить в соседней комнате, а ты – где жил мой сын. Я думаю, что все будет чудесно!

***

Андреа сидел прямо, застегнутый в клетчатую рубашечку на все пуговички. Буйные черные кудри аккуратно убраны.

– Какая же ты красивая!

Ручки сложены и одна слегка потирает другую.

– Что будешь пить?

Больше всего он напоминал школьника на выпускном экзамене.

Можно вина.

– Сицилийского?

– Да, конечно.

Они сидели в ресторанчике, где она впервые услышала, как он играет. От того брутального музыканта ничего не осталось. Или вернее, его ничего не напоминало. Метаморфоза произошедшая с ним удивила ее. Перед ней сидел скромный, застенчивый мальчишка, который отчаянно хотел понравится.

– Может по пивку? Зависнем, а? – предложение в мессенджере было вполне ожидаемое и невинное со стороны рок – музыканта. И такой подвох – неожиданно она почувствовала себя на свидании. На самом настоящем напряженном свидании, с напряженной атмосферой,

– А какую музыку ты еще любишь?

– О, я преподаю! – он улыбнулся с прежним шармом.

– Ты столько знаешь о музыке?!

– Да, я преподаю блюз. Блюз – это все!

– И рок вы тоже играете, вот эта композиция, – она напела.

Джимми Хендрикс? Я люблю его.

Он был такой южный, жгучий, казалось, что даже масляный. Маленькие черные глазки, и мелкие – мелкие колечки длинных вьющихся волос, пухлые ручки, тело спортсмена и сибарита, в котором две сущности уживаются прекрасно.

Брутальная щетина – все было на месте, но казалось что он помолодел лет на десять и превратился из прокуренного бывалого в юного трепетного.

– А я – пишу.

– О, ты тоже творческая натура? Я почувствовал это.

Он кивнула.

– Мы, люди искусства должны держаться вместе, – он сделал это так характерно, блеснул глазами словно в мюзикле, – мы же из одного племени!

– Да... – она погладила пальцем ножку бокала, – согласна. Она не знала что делать, когда он наконец превратится обратно в рубаху парня? Не она же его так заколдовала? Хотя эта идея и льстила.

Они перечислили еще любимых музыкантов. Их разговор продолжал напоминать музыкальную энциклопедию. Немного поговорили об учебе и когда вино закончилось и новые темы не поступили, Андреа предложил прогуляться. Было уже одиннадцать. Они вышли на площадь вокруг фонтана Аретузы – нимфы, которую богиня Ариадна превратила в источник.

Подошли к краю площадки и глядели на корабли. Звезды спускались россыпью вниз, будто кто – то не глядя швырнул их. Гуляющих было немного и те спешили с площадки на освещенную улицу, в кафе. Они остались наедине.

Она продолжала чувствовать это странное сочетание – напряжение и интерес. Почему – то никак не получалось расслабиться.

– Так вы поедете на гастроли? По Германии?

– Да, наш менеджер уже договорился.

– Отлично, кстати, у меня тоже был такой опыт работы, – она усмехнулась, вспомнив про группу мужа, – можно сказать, что я была менеджером.

– Отлично! Поедешь с нами?

– Может быть!

Она замолчала. Он стоял рядом, сохраняя дистанцию. Небольшую, но некоторую дистанцию.

– Знаешь, мне пора домой, – сказала она.

Идти было минут пять. Обратно, мимо кафе, вдоль по старинной безлюдной улочке с желтыми фонарями. Набережная. Темное шумящее море. Улица Сирен.

– Спасибо за вечер! – она улыбнулась и поцеловала его в щеку. Он поцеловал ее во вторую. Доля секунды, колебание.

– Спасибо! – он отошел на пару шагов.

– Я напишу!

– Да, напиши, Спокойной ночи!

– Андреа помахал рукой. Она подошла к крыльцу, ярко освещенному и напоминающему картинку – каменный дом из желтых блоков. Зашла внутрь. Все так правильно, настоящее свидание. И все так скучно.

***

Ее подташнивало от ужаса. Что, мозг ее соседа совсем ослаб от эрекции? Перечитала сообщение от Нино: «Я не могу больше делить жилье с тобой! В этом виноват я! Ты не при чем! И ты не поймешь, что происходит со мною!»

Она сидела на лавочке и мысленно чехвостила всех этих тонко – душевных сраных интеллектуалов.

Что, он рассчитывал, что я буду с ним жить, платить за жилье, да еще на самом деле с ним жить? Что вот так «нимфа прилетит и заполнит пустоту в его душе?»

«Он деньги вернет?» – спросил ее друг из Харькова, которому она написала в панике.

«Не знаю, сейчас спрошу. Должен вернуть».

Она написала в мессенджер и долгих несколько минут ждала, пока он ответит. «Что, его тонкая душевность не распространяется на деньги? Или он собирается их не вернуть по тем же непонятным, загадочным причинам, а?»

«Конечно верну!» – наконец пришло сообщение.

Она вздохнула. Ей хотелось уехать из этого города. Джузеппе не хотел видеться с ней. Ее тянуло на другой пляж. «Жаль, что не побывала в окрестностях города», – подумала она, сидя на лавке возле набережной. Персиково-нежные верхушки домов виднелись на истомленном он зноя небе.

***

Эти дни Нино находился в напряжении и неистово строчил в дневнике.

День первый

Она такая ранимая и чувственная, прямо как я... А все эти намеки..Я явно нравлюсь, какая удача, что нас познакомил Андрэа! Какой молодец! Все! Моя холостяцкая жизнь скоро закончится! Она постепенно переберется из той дальней комнаты мою. Но как, как отложить этот момент неумолимого движения навстречу?

День второй

Странно, но мы почти не общались сегодня. Видимо это ее застенчивость. После того, как поговорили по душам вчера, прогулялись в парке, видимо она вполне серьезно задумалась, насколько я ей подхожу. Видно же, что это – не случайность, а судьба, что мы оказались в одной квартире! О боги, вот награда за все испытания! Все не случайно...

День третий

Она еще держится на расстоянии, ну что же... Благородная особа хорошего воспитания. И, одновременно, это испытание для меня. Она занимается своими делами. Такая милая, такая увлеченная. Сказала, что я вдохновил ее на создание собственной мастерской. «Пусть же этот журнальный столик, будет у меня как твой рабочий стол» – сказала она.

Ну что же, не буду ее отвлекать. Приятно, что женщина «горит».

День четвертый

Ах, наше милое увлечение (влечение) без слов, зачем слова?! Воздух и так наэлектризован! Она хочет помочь мне с моим проектом! Моей давней мечтой! Это просто мечта! Но она слишком держит дистанцию. Кстати, русский – не такой ужасный язык и он не будет меня раздражать, когда мы будем жить вместе. В смысле совсем вместе, постоянно, навсегда, навсегда!

День пятый

Она сегодня ушла гулять одна. Хотя я и предлагал вместе выйти за сигаретами. Хотя бы поужинала. Я ведь хорошо готовлю, иногда. Это странно – встретил ее на улице, на мосту. Она выглядела совершенно счастливой.

Urd. Была ужасная ночь. Пришла в два часа ночи. Запахавшаяся, довольная. Я слышал ее дыхание даже из коридора.

День шестой

За ней зашел Андрэа. Предатель! Неужели они встречаются? Бабник! Он же бабник! Зачем я... зачем он ей! Сидел такой, улыбался. Хорошо, что я договорился с сыном выйти за мороженым. Не мог его выносить. Я подозреваю, что она встречается не только с ним. Шлюха.

День седьмой

«Суд откладывает ваше рассмотрение». Наверное я буду свободен из этого узилища брака только в октябре. Сигареты закончились. Сколько можно... блин, какая твердая балконная дверь.

Она не представляет как мучает меня: «Привет и пока!..хочешь попробовать? Я приготовила. Эти записочки. Все как в последние дни брака! И раздельной... Черт! Да с этой же мы даже не жили вместе! Что она себе позволяет?! Я – кто? Просто приятель?!Сосед по квартире? Она может найти их столько! Все! Пора это останавливать... это. Пусть ищет себе другой дом. Я не могу. Я так дальше просто не могу.

День восьмой

Почему она обиделась? Ведь это было нужно для нас обоих! Просто уйти, расстаться. Ну и что, что ей негде было пойти. Я же видел столько вариантов. чтобы забронировать!! Странно. Разве сложно было уйти сразу. Она еще ныла, просилась остаться на ночь. Какая меркантильная! Видно хотела сэкономить. Я и так отдал ей деньги за весь срок проживания здесь. Ну и за неделю тоже. Неделя ей досталась бесплатно, бонусом. А мои страдания – мне никто

не восполнит! Все, надо на яхту, соленый воздух, брызги в лицо. Сигарета тухнет. Ах, Анна, Анна, где ты теперь?

***

Волна накатывала за волною, море приятно шумело. Тут было красиво, даже слишком. Казалось что это место – не для нее. Романтичное, изнеженное, как чувственная красавица изогнувшая шейку. А она себя такой не чувствовала.

Справа на склоне горы у пляжа Маззаро светились открытые окна и двери гостиниц. В темноте они казались сказочными декорациями к истории о эльфах. Как и все в Таормине тут выглядело очень декоративным и одновременно было настоящим. Слева – еще одна скала, поменьше, и вид на соседний город, его яркие оранжевые огни.

В десять вечера отдыхающих было немного. Двое крупных коренастых мужчин – коней бы под них, сошли бы за кентавров, и женщина в красном платье с коротким каре темных волос. Красное платье выглядит сексуально. Но на ней – оно было просто красным. Эти мужчины и девушка в красном прошли с одного края пляжа на другой. Смирно лежали сложенные лежаки и зонтики. Без них бы пляж выглядел совершенно диким и прекрасным. В метрах десяти от берега, за буйками на волнах качалось чуть больше двадцати катеров и расписных лодочек с навесом. На темном кусочке небе, между правой эльфийской и левой безлюдной скалой светились пять – шесть ярких звезд среди звездочек поменьше. То ли от огней вокруг, то ли от время от времени возникающих прохожих, место казалось наполненным и живым.

Она сидела у самой кромки воды, на синем каремате закутавшись в светлый балахон платья и засунув ноги в песок, как в плед. По лицу не было ясно: грустит она, мечтает или думает просто «ни о чем». Думать “ни о чем» было большим ее достижением, но сейчас ее одолевали мысли.

«В сорок лет – ведь не ходят по дискотеками?» – промелькнула мысль. А дальше бодро маршруровали пункты по которым она полная и действительная неудачница. Где – то в глубине души она верила, что вот – вот произойдет какое – то невероятное событие, чудо, которое вознесет ее на самый верх. Вдруг она окажется дочерью иноземного посла или заморского принца? «Вот, Лина, например: и квартира, и машина, и муж – все пункты успешной жизни. А ты? Сидишь на пляже? Благополучная дурочка!»

Она вздохнула, обхватила колени руками и представила горящие огоньки свечей в кафе, прохладную темень улицы с озирающимися туристами и веселыми сицилийцами.

И еще она купила тетрадей по цене платья!

Ее жизнь совершенно не хотела следовать общепринятым стандартам.

***

«Рио-де- Жанейро» – это первое, что пришло на ум, глядя на него, Ну еще бразилец, парень Лиз Гилберт в фильме. Но он оказался итальянцем, Франческо. Статный, высокий, с глупым хвостиком на затылке и такими же прекрасными огромными глазами, как у Хавьера Бардема. Жаль, а он меня кажется и не заметил.»

В очередной свой заезд в Таормину она выбрала самое убогое жилье в этом самом красивом месте – хостел. Кухня, несколько двухъярусных кроватей в одной комнате, ужасные соседи которые постоянно куда – то собираются по утрам. Да, наверное, это все – таки не лучшее жилье. И сейчас, когда она сбежала с дискотеки и вернулась домой, на маленькой лавочке перед входом сидели двое парней. Аргентинец Рикардо и сицилиец Франческо. Она присела рядом и поняла, какой чудесный вечер. Здесь было намного уютнее и спокойнее чем на пафосной дискотеке с коктейлями по 20 евро и пустым залом. Впрочем, почти любая дискотека была для нее слишком гламурной, кроме тех вариантов, когда они устраивали веселье с друзьями сами – а особенно на море, а особенно – танцую на песке.

Желтые фонарики, вьющиеся зеленые растения, негромкий разговор на смеси итальянского и испанского. Она прислушалась. Они говорили о еде и о путешествиях! Аргентинец оказался вегетарианцем, в стране – где мясо чуть ли не основной и единственный продукт и держурное блюдо на каждый день. А итальянец, вернее сицилиец, рассказывал о том, как полезна средиземноморская диета – из рыбы и овощей, и конечно же фруктов. Она любовалась его смуглой кожей.

– А мне бы тоже хотелось научиться готовить! – она сидела рядом с невысоким аргентинцем, который несмотря на ангельский вид невинно распахнутых глаз напоминал чертенка – своми иссиня черными кудрями и темной кожей.

– Что например? – спросил Франческо, поддаваясь вперед. Он сидел на быльце уличного диванчика и казался еще огромнее. Футболка в широкую синюю полосу обтягивали его торс, в левом ухе качалась пиратская золотая серьга. Он сложил руки на груди

– А что у вас самое простое? Паста? – она заправила прядь волос за ухо,

Паста алла Норма – самое простое. Сейчас расскажу – нужны баклажаны, помидоры, рикотта – это мягкий козий сыр, такой легкий. —

Помидоры и баклажаны у меня есть, рикотту куплю. Научишь меня? – она улыбнулась, снова выглядывая из – за маленького аргентинца.

– Да, могу завтра. Сегодня не могу, все уже спят. – он пожал плечами и снова взял бутылку пива с пола. – Чин-чин, – чокнулся с Сандро, аргентинцем, отпил и пошел на ресепшн.

В воздухе повисла тишина. Она подняла голову. Несколько ярких звезд были видны на черном небе.

– Ты так издалека. – она повернулась к Сандро.

– Да, из Аргентины, – он снова кивнул.

– И тебе здесь нравится?

– Да, очень. – он пил пиво и разглядывал стену из вьющегося плюща.

***

На следующий вечер они встретились в том же в же дворике, но уже без аргентинца. Тот ушел гулять с польскими девченками. Польшали свечи. Они оба молчали, но вокруг как будто уплотнялся воздух.

Давай я сделаю тебе массаж, – неожиданно предложил Франческо.

Это было бы классно, – сказала она, и подумала – «неужели он не переживает за свою невесту?»

Он вернулся с массажным кремом. У него были широкие, мягкие руки, не шершавые, как она ожидала.

Подожди, – он спустил платье с плеча, – погоди.

Она ушла и переделалась в серую майку с узкими бретельками и джинсовые шорты.

Вот так будет удобнее! – майка открывала спину и ей не было жалко, если она замажется. Во дворике по – прежнему никого не было. В хостеле все уже спали.

Они уселись на ступеньках, позади скамьи, в полумраке. Он начал нежно разминать ей плечи. Где – то это уже было, подумала она, успехнувшись, но... Он разминал ей плечи томно и профессионально, как настоящий массажист. Она решила получить удовольствие.

Погоди, тут не очень удобно, – сказал Франческо, – давай... – он встал и увлек ее за собой, приоткрыл тяжелую бархатную занавесь, которая заменяла дверь на кухню, – давай сюда.

Они сели на диване. Она – спиной к нему. В доме было тихо, и на кухне, где он готовил вчера, а она стояла восхищенная, сейчас было темно и тихо. Он продолжил массировать ее спину и неожиданно, будто сопротивляясь самому себе начал целовать – ее шею, округлое плечо, пальцы сместились вниз и вот, он уже нежно теребит, играет с ее соском, оглаживает грудь. Она поддалась назад и почувствовала теплую волну, волну страсти, которая поглощала

ее, это не так как с Джузеппе, это как что – то более стихийное, Франческо как будто растворялся в ней, он сам отдавался процессу и вдруг – упала сережка. Он задел ее губами, продолжая ласкать ее шею и выше, ее ушко. Франческо был нежнее, но при этом он был как будто безличнее. Как будто вдвоем они отдавались стихии, приносил жертву неведомому культу,

– погоди! – это ее последний шанс, подумала она, ее последний шанс не отдаться этой стихии, пока она еще контролирует себя, – Подожди! – она обернулась и сделала вид, что украшение очень ей важно, она уцепилась за него как за соломинку.

– Это подарок моей подруги!

Он помог искать украшение.

– Это очень важно для меня, – продолжала она.

Они нашли серебряный овал и застежку к нему.

– Отлично, – она надела украшение, – а давай теперь я сделаю тебе массаж!

Он улыбнулся и лег на живот. Его прекрасная спина – смуглая, широкая, с буграми мышц.

Тщательно, с любовью, она проминала его плечи. Гладила, пощипывала, вминала подушечки пальцев, немного царапала, мяла шею и проглаживала затылок, там где узелок из волос. Его вьющиеся кудри были немного жесткие. Они легонько укусила Франческо за шею и неожиданно для себя предложила:

– А может пойдем искупаемся?

***

– Что ты там, старый, смотришь?! – жена владельца виллы неожиданно проснулась. Сам владелец, капитан в отставке, сидел, пригорюнившись у окна и глядел во двор. Ну и вид у него был! Еще чуть – чуть и завоюет на полную луну.

На краю бассейна сидела обнаженная девушка. Капельки воды блестели на ее коже и создавали видимость прозрачной чешуи. Она немного отклонилась назад и поболтала ногами в воде. Вдруг с дальнего края бассейна показалась мужская фигура – широкие плечи, затянутые в узел на затылке волосы. Пару гребков и он – возле «русалки». Улыбнулся и стащил ее за ноги в воду. Поднялся столб воды, они исчезли оба в.

– Надо вызвать полицию! – синьора стояла за спиной супружника, напоминая рассерженное привидение растрепанными седыми волосами и белой ночной рубашкой. Дед не повернул головы.

Они вынырнули, и девушка, обвив руками шею темноволосого мачо, нежно его поцеловала. Он потащил ее снова в воду и они скрылись опять и через пару секунд выскочили, словно танцуя в мерцающей синей воде.

Пожилый капитан повернулся:

– Да ладно тебя. Давай спать, – хлопнула ее по заду, – Давай.

Она остолбенела, а потом, по – девчачьи хихикнула, вспомнив те дни, когда он возвращался из рейса.

***

«Ciao caro!» – это может быть начало или конец. Зависит от того, напишет ли он в ответ. «Ciao caro» – путешественница отправила сообщение в мессенджер. За окном автобуса, едущего в аэропорт, синело море как в последний раз, и качалась лиловая звезда цветка, украшая прозрачное небо.

«Откуда такая нежность...»

*– Ну, показывай свое сокровище!
Случайная цитата из книги сказок*

Февраль, 2012

Мы сидим в кафе, он греет руки о чашку. Широкие и высокие спинки стульев. Он наклонился ко мне чуть-чуть, кажется, что он хочет спрятаться, мы хотим спрятаться. Словно мы – заговорщики.

- Спасибо, что согласилась встретиться.
- Мне тоже этого хотелось, хотелось увидеть тебя.

Он улыбается, а в глазах горят эти огоньки.

- Где ты был?
- Ездил за границу, работал, учил английский. А как у тебя дела?
- Я – только путешествовать, практиковать английский хватает здесь, – улыбаюсь.

Обычный приятный разговор, даже приятельский, но что -то за этим есть, что-то есть еще витает вокруг – и это завораживает.

– Я думал о тебе весь этот год, не хотел, а думал, – он обхватывает свою чашку с кофе сильнее. Рядом стоит моя. Так хочется к нему прикоснуться.

– Давай прогуляемся? – предлагает он.

Мы идем по зимнему парку. Болтаем. Столько воспоминаний. Как будто не год работали вместе, а десять лет: “ А помнишь, когда ты...? А вот эта твоя идея? А это было классно! А они тогда говорили...».

Сугробы, сумерки.

- Слушай, я наверное, здесь навернусь.
- Подожди.

Он подхватывает меня на руки. Высокий, стройный, но я не знала, что такой сильный. И шагает прямо по этим сугробам – как большой нежный медведь.

***

За неделю до этого.

Я сижу на терапевтической группе. «И что, тебе совершенно никто не нравится? – совсем никто?» – спрашивает терапевт или кто-то из участников группы. Группа встреч – это такое собрание нормальных людей, которые живут не совсем так как они хотят, не чувствуют радость жизни. Сейчас февраль. Это зимняя группа.

– Ну, есть один... – все затихают, – но это... мой знакомый, мы работали с ним вместе и сейчас он мне пишет, предлагает встретиться.

– И почему ты не хочешь с ним встретиться? – уточняет кто-то из группы.

– Он мне очень нравится, но это неправильно, я не знаю, что будет... вернее – что может быть? Он младше меня на одиннадцать лет.

Я жду осуждения, но тут же одна из участниц группы, рассказывает, как её тетя была счастлива в браке с мужчиной на 14 или 15 лет моложе её. Мы еще о чем-то говорим, шутим. Я выдыхаю. Никто не заклеил меня позором. И моя история уже не кажется мне такой ужасной. Я не сжимаюсь от этого. Как будто пустила туда воздух, как будто это – может быть.

– Хорошо, я напишу ему.

За пару лет до этого, август 2010

– Привет! – он садится на стул и мне кажется, что солнце светит в его синих глазах. Вернее, что он – само солнце. Я приоткрываю рот. Надеюсь, не сильно видна моя отвисшая челюсть?

– Привет! Вы хотите работать в этой компании и планируете совмещать это с учебой в ВУЗе?

За пару секунд до этого я и не думала ни о чем романтическом: новый проект, найм персонала, работа, работа, работа.

Стараюсь не думать ни о чем романтическом и дальше. Смотрю анкету: 18 лет, студент технического ВУЗа, летняя подработка?

Дни заполнены суетой и стрессом. Он иногда заходит в мой кабинет по делам, иногда у нас бывают общие собрания. Он старается, я тоже. Выкладываемся по-полной и, кажется, даже начинает что-то получаться.

Рассматриваю его фото в соц сетях. Какой же он все таки симпатичный. Уже увольняется. Я предлагаю делать общий проект. Он занят, у него практика, написание диплома.

– Ты мне нравишься.

– Ого, это как-то неожиданно.

Наверное, я его шокировала, наверное, он думает сейчас: «Ах, эта старая двадцатидевятилетняя извращенка!»

Ну, хотя бы, я сказала об этом.

Конец, февраль 2012- март 2012

Мы встречаемся чаще. Греем руки друг друга в замерзших кинотеатрах. Планируем поездку весной на море, вернее, просто мечтаем об этом.

– Я хочу познакомить тебя со своими друзьями. Со своим лучшим другом, он – поэт!

Я соглашаюсь и одновременно боюсь. Если мы и забыли «о разнице в возрасте», то друзья- то этого не забудут и заметят.

Мы сидим в подвальном кафе, они о чем-то шутят, а я – рисую. Отвлекаюсь. Я всегда ухожу в себя, когда мне не комфортно. И сейчас мне хочется уйти. Я не понимаю этих шуток, я не понимаю эту атмосферу. Она у них – «очень своя» и я чувствую себя очень отдельно.

Чувствую себя как внутри арт-хаусного кино – что -то происходит, хочешь понять: к чему- все это? И не можешь понять. Просто ждешь. Я шучу что-то в ответ его другу поэту и второму приятелю, теперь не понимают они.

Текила, виски, сигареты. Я пью сок, но курю за компанию. Мне и так страшно.

Он не доволен, я – тоже. Он хочет идти с друзьями. Я хочу, чтобы он поехал со мною. Мне кажется, если мы расстанемся здесь, сейчас, то мы расстанемся навсегда. Я боюсь его отпустить.

Мы ругаемся на перекрестке. Друзья стоят в сторонке, ждут.

– Что будет с нами через 10 лет? Через 11 лет? У нас нет будущего! У нас... – он горячо рассуждает на улице, от него идет пар. Не только потому, что сейчас ранний март. Вокруг лежит снег. Я прошу его остаться, я виновата. Я опять все испортила.

Не вписалась в компанию, не поняла его друзей, не поняла его.

И сейчас он говорит о том, что я думала: «У нас нет будущего». Но так приятно, что он об этом будущем мечтал. Хотя бы задумывался о такой возможности.

В какой-то момент я поверила в реальность этих отношений.

За несколько дней до этого. 8 марта 2012

Март, тот самый день, когда все девушки ждут цветы, или не все, или не ждут. Обсуждаем на группе у кого какой выдался этот день. Кто встречал его в детском саду, один из парней встречал в бане с другом, кто-то...

– А мне подарили тюльпаны.

Сама не ожидала. Говорю и, кажется, что это не со мною. Кажется сейчас вижу, как ловлю летящие в лицо снежинки. Ловлю губами, ртом, глазами и ресницами, как год назад в Питере.

– С праздником! – он выныривает из метро, веселый улыбчивый. В руках – огромный пакет с прекрасными куполами над храмом в солнечном городе (теперь я знаю, что это – Флоренция), а в пакете – зеленая круглобокая бутылка шампанского.

– А цветы? – говорю я и сама замираю. Вырвалось.

Он на секунду мрачнеет. Становится серьезным.

– Подожди. Я кое-что вспомнил. Мне надо поздравить бабушку.

Исчезает на пару минут. Я удивляюсь. Почему бабушку? И думаю: «Вот, он просто нашел повод уйти. Его так шокировал мой наглый вопрос!». Корю сама себя: «Ну красивый же пакет! Ну почему цветы?»

Он появляется снова, улыбается. На обжатые резинками бутоны тюльпанчиков летит снег. Наверное, он купил их только что в переходе метро. Такие нежные цветы... Я улыбаюсь. Я абсолютно счастлива.

Основы изысканного поведения на подвижном составе

Пьеса на одну ночь

Действующие лица:

- Анри Франц фон Клаузе – австрийский землевладелец
- Джульетта фон Клаузе – его маменька
- Марта Ганзишка – студентка Стамбульского университета
- Стюард
- Торговец
- Носильщик

Место действия: купе Восточного экспресса.

Время действия: начало XX века. Эдвардианская эпоха. Когда леди были особенно изящны, джентльмены – особенно учтивы, а суфражистские идеи только входили в моду.

На часах было без семи девять. Поезд опаздывал, но в сонном вагоне класса люкс кажется никто не беспокоился об этом. Бархатные занавеси скрывали очертания гор и барон фон Клаузе отодвинул их, чтобы увидеть на любимые Альпы. В дверь постучали.

– Да, да?

Парчовые занавеси вспыхнули крыльями райской птицы и появился стюарт.

– Да, – господин фон Клаузе повернул свою свой точеный римский профиль. Мама, итальянская актриса подарила ему черные волнистые кудри, а отец, влюбившийся в нее на представлении одного из театров, не смог дать ничего лучшего, чем выправка и фамильное имение.

– К вам леди, в смысле, – английский стюард замялся – пассажир, – Она не может продолжить путешествие в вагоне третьего класса и просит найти свободное купе.

– Это какая-то крестьянка?

– Нет, студентка Стамбульского университета. Вы же знаете этих студентов, сер.

– Нет, немного. Но проведите ее сюда.

– О, да сэр. Отлично. Хорошего вам дня!

Лакированная дверь из светлого ясеня мягко закрылась и австрийский землевладелец принялся снова скользить взглядом по очертаниями милых его сердцу вершин. Вот те – в точности напоминали груди его прабабки Анриетты Баварской, когда она наклонялась чтобы дать ему конфетку, простоволосая, в обычной ночной рубашке. Дверь снова заскользила на петлях. Яркий свет пробился сквозь расщелину в горной гряде и озарил женский силуэт, который напомнил ему картины Моне которые он видел на новой выставке в музее: длинное платье светло- серого цвета, строгий зеленый жакет и розовая блузка. Она была похожа на бутон пиона, который вот – вот готов вспыхнуть розовым светом. Маленький саквояж в руках и круглая картонка для шляп. Одна как – раз красовалась по верху пышной прически. Служащий вкатил за девушкой коричневый чемодан с блестящими боками,

– Марта Ганзишка, – она присела в книксене,

– Анри Франц фон Клаузе – он резко встал, ударившись о верхнюю полку для вещей.

– Садитесь напротив, я выкупил все купе и нам никто не станет помешать.

– Нам? – она изогнула правую бровь. На светлом личике эти тонкие дуги, может даже подведенные карандашом, выглядели просто изумительно.

– Нам и вам, мисс Марта. Располагайтесь.

Стюарт оставил чемодан у края сиденья. Марта оправила края юбки и закинув ножку на ножку, села у окна, напротив Анри. Она откинула голову и стала видна прядка, которая

выбилась из тщательно сооруженной прически. Маленькие белые руки она скрестила на коленях. Шляпка и саквояж покоились рядом на сидении.

– Позвольте?

– О, вы так добры!

Он поставил их на верхнюю полку, а она продолжала смотреть и разглядывать пейзаж который постепенно приближал их к плато (что – то характерное в Румынии)

– Вы не боитесь вампиров?

Теперь он поднял бровь:

– Интересное начало разговора. Вы знаете, не задумывался об этом. Хотя живу на границе с Румынией

– Так Шлисенберский замок – ваш?

– Да, и в поверьте, он самый мирный замок на свете, свободный от вампиров, не считая пары родственников со стороны моего кузена, – доверительно сообщил он ей.

Она улыбнулась и отвернулась снова к окну.

– А вы? Верите?

– Я их видела. Вот как сейчас смотрю на вас.

– Наверное, это было после вечеринки посвященной вашему вступлению на курс по...?

– По ботанике. Но вечеринки о которой вы говорите – не было. А вампира я видела в зеркале.

– Да неужели, ведь они не отражаются в зеркалах!

– Ну это же все легенды, – она сладко зевнула, не успев прикрыть рот рукой. Ряд милых жемчужных зубов показался во всей своей красе.

– Ах, простите. Бессонная ночь.

– Матушка была против, чтобы вы ехали? И вы впопыхах укладывали вещи?

– Нет, а разве похоже? – она повернулась боком, пытаясь уснуть. Поезд немного трянуло.

– Не переживайте, наверное много снега или камень с гор.

– Наверное, если бы это был камень, мы бы так спокойно не разговаривали.

– Согласен. Вы разбираетесь в инженерном деле?

– Мой отец – инженер. Он проектировал часть дороги на высокогорных участках. Пути чистят ежедневно чтобы снизить вероятность аварий.

– Да, какой жестокий мир – тут шелка и атлас. там ... – он щелкнул пальцами.

– Камни и горные бараны, – она закончила фразу и зевнула опять, – мы любили гулять с ним по горам. Простите, я все таки, наверное, устала – пришлось подняться в шесть. чтобы успеть на поезд из Зальцбурга.

– Ничего страшного, я понимаю. Сам ненавижу рано вставать, – он достал газету и углубился в чтение биржевых сводок и последних новостей о народном земледелии.

Она повернула голову набок и закрыла глаза. Вуалька на шляпе легонько подрагивала в такт движению поезда.

– Сэр, к вам еще посетитель.

Стюард посторонился и дверь распахнулась во всю ширину.

– Матушка, что вы здесь делаете? Как?

Полутораметровая Джульетта фон Клаузе стояла в дверном проеме словно облаченная в резную деревянную оправу.

– Да – а! Вот сын мой, я та – а— ак и знала – она заломила руки по давней театральной привычке, но лишь заколыхался жирок на предплечьях. Жирная еда и отсутствие движения сделали своё дело с некогда миниатюрной фигурой актрисы, – сын мой!

– Мама, я рад вас видеть, но что вы тут делаете?

– Еду к подруге! А ты, ты бросил свою мать ради этой!

– Мама! Я не мог все лето провести в имении! Мне пора на службу! «Эта» продолжала дремать, так как Анри с матушкой говорили шепотом, будто кто – то попинывал клубок змей.

– Матушка, это просто попутчица. Бедная девушка, временно стесненная в средствах студентка.

– Сын мой, – я здесь, помни об этом и не позволяй себя лишнего!

Она приподняла юбку в взметнув ими коврик для ног, вышла из купе.

Фон Клаузе сидел глядя еще более раскрытыми глазами на мирный румынский пейзаж.

Марта проснулась.

– Что это было? – она спросила тихо, растягивая слова.

– Не волнуйтесь, ничего, возможно вам что – то приснилось.

– Да, – она потянулась, – А вы играете в нарды или в карты? Во чтонибудь?

– В шахматы. Но сейчас как – то нет настроения.

Она скривила маленькое личико, – Ну хорошо. А было бы чудесно сыграть во чтонибудь.

Вдруг дверь открылась снова.

Анри повернулась, ожидая увидеть незабвенную мадам фон Клаузе, но в купе зашла девушка в национальной румынской одежде с корзиной пышных роз: белых, красных и розовых.

– Благодарю, – он отрицательно помотал головой. – Цветы? – торговка настаивала.

Землевладелец вытащил монету из кармана сюртука.

Румынка просияла и протянула в ответ три розы. Вышла и закрыла дверь.

Он положил их на стол перед собою и смущенно улыбнулся. Пару мгновений ничего не происходило.

– А вы родом откуда? По выговору – настоящий австриец

– Да, так и есть.

– А, я – нет, – продолжила девушка, я не из Австрии, мы приехали из Драгобрата, наша семья, к австрийским родственниками, а они уже убедили родных отправить меня в Стамбул. Надеются, что я не скоро выйду там замуж. Эти суффражистские веяния! Но я не хочу учиться!

– В Стамбул? Первый женский университет имени Марии Терезии?

– Университет. Нас всего тридцать учениц, но факультеты потихоньку добавляются. И я давно не видела ни одного живого мужчины так рядом как вас, – ее щеки порозовели. Она быстро перевела глаза на пол, будто нашла там что – то очень интересное. например, носок его туфли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.